



А.С. Сижажев

Конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе...
Minbar. Islamic Studies. 2025;18(4): 907-925

DOI 10.31162/2618-9569-2025-18-4-907-925

УДК 297 (470.64)

Original Paper

Оригинальная статья

Конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе в XIX – начале XX в.

А.С. Сижажев^{1, 2а}

¹Северо-Кавказский Исламский университет имени Имама Абу Ханифы, г. Нальчик, Российская Федерация

²Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5199-0882>, e-mail: 2007alim07@mail.ru

Резюме: В статье исследуется эволюция конфессиональной политики Российской империи на Северном Кавказе в XIX - начале XX в., рассматриваемой на материалах Кабарды. На основе анализа архивных материалов и законодательных актов автор выделяет три основных этапа формирования системы управления мусульманскими общинами региона: I) с 1792 по 1820 г. – принятие «Положения для кабардинцев» (1792), которым признавались религиозные права и юрисдикция мусульманского судопроизводства под имперским надзором; II) с 1822 по 1871 г. – начало бюрократической интеграции местных институтов через прокламации кабардинскому народу (1822) и ужесточение контроля в условиях Кавказской войны и мюридистского движения; III) с 1872 по 1917 г. – попытки унификации и систематизации управления через реформаторскую деятельность кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича, принятие «Временных правил о порядке управления мусульманским духовенством суннитского учения в Кубанской и Терской областях» (1890) и других нормативных актов. Перманентный военный статус региона, геополитическая конкуренция с Османской империей, внутренняя дифференциация мусульманских сообществ обусловили незавершенность создания северокавказского муфтията в конце XIX - начале XX в., что отразило особенности северокавказской модели конфессиональной политики Российской империи на Северном Кавказе.

Ключевые слова: Российская империя; Кабарда; конфессиональная политика; ислам; муфтият; Кавказская война; имперское управление

Для цитирования: Сижажев А.С. Конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе в XIX - начале XX в. *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(4):907–925. DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-4-907-925



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



The Confessional Policy of the Russian Empire in the North Caucasus (19th–Early 20th Centuries)

A.S.Sizhazhev^{1, 2a}

¹North Caucasus Islamic University named after Imam Abu Hanifa, Nalchik, the Russian Federation

²Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, the Russian Federation

^aORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5199-0882>, e-mail: 2007alim07@mail.ru

Abstract: The article examines the evolution of the Russian Empire's confessional policy in the North Caucasus during the 19th and early 20th centuries, with a focus on Kabarda. Through analysis of archival materials and legislative acts, the author identifies three main stages in the development of the system for governing Muslim communities in the region: I) 1792–1820s – Adoption of the «Regulations for the Kabardians» (1792), which recognized religious rights and the jurisdiction of Islamic legal proceedings under imperial oversight; II) 1820–1870s – Initial bureaucratic integration of local institutions through proclamations to the Kabardian people (1822) and tightened control during the Caucasian War and the Murid movement; III) 1870–1917 – Attempts at unification and systematization of governance through the reformist activities of Viceroy Grand Duke Mikhail Nikolaevich, the adoption of the «Temporary Rules on the Administration of Sunni Muslim Clergy in the Kuban and Terek Oblasts» (1890), and other regulatory acts. The permanent military status of the region, geopolitical competition with the Ottoman Empire, and the internal differentiation among the Muslim communities led to the incomplete establishment of a North Caucasian muftiate by the early 20th century, reflecting the distinctive features of the Russian Empire's confessional policy in the North Caucasus.

Keywords: the Russian Empire; Kabarda; confessional policy; Islam; Muftiate; the Caucasian War; imperial governance

For citation: Sizhazhev A.S. The Confessional Policy of the Russian Empire in the North Caucasus (19th–Early 20th Centuries). *Minbar. Islamic Studies*. 2025;18(4):907–925. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2025-18-4-907-925

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического осмысления трансформационных процессов в религиозной сфере современной России. В этих условиях особую значимость приобретает роль ислама, который исторически является частью российской культуры. Это определяет необходимость выстраивания сбалансированной модели взаимодействия с традиционными мусульманскими сообществами, исторически интегрированными в российское социокультурное пространство.



Цель исследования заключается в комплексном анализе особенностей реализации конфессиональной политики Российской империи в северокавказском регионе в XIX – начале XX в., рассматриваемых на материалах Кабарды.

Источниковую базу исследования составляют архивные материалы Российского государственного военно-исторического архива и сборники документов по обозначенной проблеме.

В основу работы положены *принципы* историзма и объективности. Были использованы следующие научные методы: историко-генетический (позволил проследить эволюцию государственной политики в отношении мусульманских сообществ региона), историко-сравнительный (анализ особенностей в реализации конфессиональной политики в разные исторические периоды), источниковедческий анализ (анализ архивных документов и законодательных актов), микроисторический анализ (позволил на конкретных примерах показать механизмы реализации политики на местном уровне).

Теоретико-методологические основания исследования

Инкорпорацию мусульманского населения северокавказского региона в состав Российской империи можно рассмотреть через призму «*концепции имперской гибридности*» швейцарского ученого А. Каппелера [1], описывающей стратегию управления, при которой имперская власть сознательно комбинировала элементы централизованного контроля с адаптацией к местным институтам, создавая устойчивые, но гибкие формы господства. Это делает её ключевой для понимания «*теории имперской модернизации*» – теории, объясняющей, как Российская империя реформировала свои институты в процессе интеграции новых территорий и адаптировалась к региональным условиям для сохранения контроля на местах. Данная теория нашла отражение в исследованиях Д.Ю. Арапова [2-5], А. Миллера [6], А. Моррисона [7], Р. Круза [8] и др. В управлении многоэтничными и многоконфессиональными регионами эта модель допускала определенную степень автономии местных сообществ в обмен на лояльность, позволяя центральным органам власти минимизировать сопротивление и снизить затраты на прямое управление (см. И.Л. Бабич [9; 10]). В основе данного подхода лежит система стратегий: избирательность (дифференцированный подход к разным группам), институционализация (создание специальных органов управления), динамичность (изменение политики в зависимости от угроз стабильности). В подобном контексте империя легитимизовала надконфессиональные институты, но ставила их под надзор (см. В.О. Долбилов [11], П. Верт [12]). Дан-



ный подход позволяет выйти за рамки упрощенных трактовок, сводящих имперскую политику либо к противостоянию, либо к ассимиляции, демонстрируя, как российская власть выстраивала сложную систему взаимодействия с мусульманскими сообществами на Северном Кавказе, сочетая элементы гибкости и контроля.

Становление имперской модели управления мусульманскими обществами Северного Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX в.)

Вхождение Северного Кавказа в состав Российской империи сопровождалось формированием особой системы управления мусульманскими общинами региона. Процесс создания данной системы управления был начат с заложения крепости Моздок (1763 г.) и окончательно оформлен лишь к концу XIX века. Эта длительность была обусловлена, с одной стороны, перманентной военно-политической нестабильностью на Кавказе, а с другой – необходимостью адаптации имперских административных моделей к сложной социокультурной реальности региона.

До правления Екатерины II (1762–1796) в Российской империи отсутствовала централизованная система управления мусульманскими общинами, равно как и официально признанный лидер мусульманского духовенства. Правовая база отношений с мусульманским населением была заложена в Манифесте от 8 апреля 1783 года, провозгласившем присоединение Крыма к России, в котором гарантировались сохранение религиозных институтов и «свободное отправление веры»¹. Знаковым событием в этом отношении стало учреждение Оренбургского муфтията в Уфе в 1788 году для правления «духовными лицами магометанской веры»². Позднее, в 1794 году, указом от 23 января был создан Таврический муфтият, призванный осуществлять управление религиозными делами крымско-татарского населения³.

Особый правовой статус Северного Кавказа в имперской системе управления был обусловлен перманентным военным положением, что предопределило специфику административно-религиозного регулирования в регионе. В процессе интеграции мусульманских народов Северного Кавказа в состав Российской империи формировалась особая система правового регулирования их религиозного статуса. Реализация данной задачи осуществлялась через многоуровневую административную систему, включавшую центральные правительственные органы, общекавказские военно-административные структуры и местные органы управления, позволявшие

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (далее ПСЗРИ–I). Т. 21. 1781–1783 гг. СПб. 1830. С. 898.

² ПСЗРИ–I. Т. 22. 1784 – 1788 гг. СПб. 1830. с. 1107.

³ ПСЗРИ–I. Т. 23. 1789 – 6 ноября 1796 гг. СПб. 1830. с. 482.



властям осуществлять постепенную интеграцию мусульманских сообществ в правовое и административное пространство Российской империи.

Ислам в Кабардино-Балкарии развивался в контексте общерегиональных социокультурных процессов, характерных для Северного Кавказа, при сохранении локальной специфики. Современные исследования свидетельствуют о раннем проникновении ислама в регион, начиная с периода экспансии Арабского халифата и в эпоху доминирования Золотой Орды, однако окончательная консолидация мусульманской идентичности у кабардинцев относится к более позднему периоду [13, с. 9–15]. Мирной исламизации кабардинских обществ способствовала деятельность религиозных лидеров, среди которых особое место занимали князь Адиль-Гирей Атажукин и мулла Исхак Абуков, чье влияние распространилось и на сопредельные территории. Утверждение ислама в качестве доминирующей конфессии на Северо-Западном Кавказе происходило в условиях сложного взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов, включая трансформацию административно-политического устройства в условиях интеграции в Российскую империю, идеологическое влияние Османской империи, осуществлявшееся через сеть религиозных миссионеров, адаптацию исламских норм к местным правовым и культурным традициям «адыгэ хабзэ» [14, с. 11]. Данные процессы способствовали формированию уникальной модели исламской идентичности, сочетающей общеисламские каноны с элементами региональной культурной традиции.

Принятие в 1792 году специального Постановления для кабардинцев отражало стратегию российской администрации по легитимации власти через правовую формализацию статуса одного из крупнейших этносов Северного Кавказа. Документ, являясь одним из первых актов, регулирующих положение ислама в регионе, представлял характерную для имперской политики двойственность: декларативное признание религиозных прав (свобода вероисповедания, отправление исламских обрядов), дискурсивное конструирование образа «диких нравов», девальвирующего традиционные социокультурные нормы [9, с. 117–118].

В период царствования императора Павла I (1796–1801) политика в отношении мусульман империи оставалась неизменной. Однако его преемник Александр I (1801–1825) предпринял ряд важных шагов по систематизации управления мусульманскими общинами, что было связано с обострением отношений с Османской империей и Персией [15, с. 173–204]. В 1810 году было создано Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, что стало важной вехой в регулировании религиозной жизни мусульман [5, с. 253–254]. В годы правления Александра I впер-



вые в российской истории было введено правовое регулирование мусульманского паломничества (хаджа). Документ предписывал обеспечить беспрепятственный проезд паломников при условии получения ими российских паспортов⁴. В последующие годы политика в этом вопросе колебалась между ограничениями и послаблениями, завися от внешнеполитической и эпидемиологической обстановки [16, с. 306].

На Северном Кавказе в начале XIX века российская империя начала выстраивать особую систему управления мусульманскими общинами. Первым шагом стал императорский указ 1805 года, разработанный по инициативе главноуправляющего Грузией П.Д. Цицианова, который поставил местное духовенство на государственное содержание, обязав его проповедовать лояльность властям [2, с. 62–65]. Особую роль в последующей политике сыграл генерал А.П. Ермолов, возглавлявший в 1816–1827 гг. гражданскую и военную администрацию на Кавказе. Несмотря на репутацию жесткого военачальника, он проявил прагматичный подход. В 1822 году А.П. Ермолов издал прокламации кабардинскому народу, гарантирующие сохранение традиционных религиозных практик при условии лояльности имперской власти, создание смешанных судебных органов (Кабардинский временный суд в Нальчике, в деятельности которого российские власти признавали юрисдикцию применения шариата), финансовую поддержку мечетей и мусульманских школ (в том числе реставрацию Шемахинской мечети), при этом устанавливался надзор за деятельностью духовенства, ограничивалось влияние зарубежных проповедников, ставились под контроль все мусульманские учреждения. Эта политика позволяла империи сохранять стабильность в регионе, постепенно усиливая административный контроль, но избегая резких мер, которые могли вызвать сопротивление местного населения [9, с. 82–85].

Политика Николая I (1825–1855) в мусульманском вопросе отличалась двойственностью. С одной стороны, император стремился к систематизации управления мусульманскими общинами, с другой – проявлял к ним подозрительность. Ярким примером этой двойственности стал указ 1832 года, запрещающий традиционные мусульманские похороны, которые полагалось проводить в день кончины умершего. Хотя закон грубо нарушал исламские обычаи, местные власти часто закрывали глаза на его исполнение, понимая риск протестов [2, с. 82–85]. Несмотря на отдельные радикальные меры, именно при Николае I начала складываться более упорядоченная политика в отношении подданных-мусульман [3, с. 108]. С 1826 года надзор за мусульманскими обществами осуществляло III Отделение императорской канцелярии совместно с жандармами. В 1832 году была создана более эффективная структура –

⁴ ПСЗРИ–I. Т. 27. 1802–1803 гг. СПб., 1830. с. 509.



Департамент духовных дел иностранных исповеданий (далее – ДДДИИ) при Министерстве внутренних дел, просуществовавший до 1917 года [5, с. 253–255]. Эти меры отражали переход от разового контроля к системному управлению мусульманскими делами в империи.

Религиозный фактор в период Кавказской войны

Политика России на Кавказе в этот период формировалась в условиях постоянных военных конфликтов. Русско-иранская (1826–1828) и Русско-турецкая (1828–1829) война, а также затяжная Кавказская война (1817–1864) привели к тому, что сопротивление горцев стало принимать религиозный характер. Местные лидеры использовали ислам как идеологическую основу противостояния России. Однако кабардинская элита, демонстрировавшая внешнюю лояльность идеям мюридизма, фактически не оказала поддержки направленным Шамилем наiban – сначала Хаджи-Магомеду, а затем Магомед-Амину. Феномен мюридизма в Кабарде, как и на всем Северо-Западном Кавказе, не получил значительного распространения в силу комплекса социально-политических факторов [13, с. 50–51].

В последующие годы был ужесточен контроль над иностранными исламскими кадрами. С 1836 года (по решению Комитета министров) был введен запрет на принятие в российское подданство дервишей – членов суфийских братств (исключение составила Таврическая губерния). В 1848 году был издан указ, запрещающий въезд в империю выпускникам зарубежных мусульманских учебных заведений, преподавателям ислама и духовным лицам, обучавшимся за границей. Власти стремились минимизировать иностранное влияние на мусульманское население империи, вызванное опасениями распространения «нежелательных» исламских идей и угрозой политической стабильности [3, с. 113].

Примечательно, что в рассматриваемый период представители знатных кабардинских фамилий (Бекмурзиновы, Атажукины, Кайтукины) обратилась к генералу И.И. Дибичу с просьбой «Об удержании народных прав и обычаев кабардинских, о покровительстве и свободе вероисповедания, о разделении закона гражданского с духовным»⁵. Ситуация отражала протест против запрета на совершение хаджа, указывала на проблемы с шариатским судопроизводством и необходимость реформирования системы мусульманского образования в регионе. В рамках административного реагирования генерал И.И. Дибич инициировал переписку с генералом Г.А. Эммануэлем, в которой акцентировал внимание на потребность четкого разгра-

⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 282. Л. 1-3.



ничения гражданской и духовной сферы мусульманского права и важность создания образовательного учреждения в Ставрополе для обучения местного населения как традиционным (мусульманским), так и светским дисциплинам. Реализацией данных предложений стало учреждение 8 февраля 1829 года Азиатского исламского училища в Ставрополе, руководство которым было поручено Д.В. Дашкову. Данная мера представляла собой попытку имперской администрации удовлетворить запросы кабардинской элиты при одновременном решении задач административной интеграции региона⁶.

Важным аспектом государственной политики в мусульманском вопросе являлось регулирование религиозной жизни военнослужащих-горцев. Исторически, с момента интеграции северокавказских территорий в состав империи, мусульманское население региона привлекалось к военной службе в различных подразделениях. Для обеспечения религиозных потребностей мусульман в воинских формированиях создавались специальные условия. В частности, в 1820–1830-х годах в Кавказско-горском и Крымско-татарском эскадронах императорского конвоя состояли штатные имамы. Параллельно они выполняли педагогические функции, преподавая основы ислама в петербургских военных учебных заведениях для воспитанников-мусульман [3, с. 115–120].

В рассматриваемый период на Северном Кавказе российские власти пытались разрешить затяжной конфликт, известный как Кавказская война. Среди чиновников не было единого мнения по поводу того, как лучше действовать. Местные чиновники, в частности капитан Я. Шарданов (кабардинский узден II степени), предлагали «идейные» методы – приглашать лояльных мусульманских богословов из Казани и Крыма, чтобы те убеждали горцев, что учение Шамиля – это неправильный ислам. Так, в 1834 году на Кавказ прислали казанского богослова Таджеддина-эфенди, который писал воззвания, восхваляя российскую власть, но особого успеха это не принесло. Иной точки зрения придерживались военные во главе с командиром Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющим гражданской администрацией на Кавказе генералом Е.А. Головиным. Они полагали, что дело не в религии, а в силе личности Шамиля, и предлагали просто разбить его войска⁷. Особенно активно пытался использовать мусульманское духовенство наместник Кавказа граф М.С. Воронцов. Он дважды (в 1845 и 1852 годах) вызывал муллу из Крыма и Поволжья для борьбы с влиянием Шамиля. Но военное руководство, особенно министр, опасалось,

⁶ РГВИА. Ф. 35. Оп. 3. Д. 1865а. Л. 4, 12, 33, 42, 50-52.

⁷ РГВИА. Ф. 232. Оп. 1. Д. 20. Л. 2-2 об.



что даже проверенные муллы могут сами попасть под влияние «радикальных» идей и начать распространять их в центральных регионах России [9, с. 143]. В итоге победил жесткий подход – все вопросы жизни мусульманского населения решало военно-административное командование, контакты кавказских мусульман с поволжскими ограничили, на духовную жизнь наложили строгий контроль.

Особой трагической страницей Кавказской войны стал массовый исход местного населения в Османскую империю (мухаджирство). Переселение северокавказских народов началось еще в ходе военного противостояния. Источники свидетельствуют, что часть местной знати, предвидя исход, уже в конце 1840-х годов организовано переправляла семьи и зависимых крестьян в Турцию под видом паломничества (хаджа). Типичным примером стал темиргоевский князь Каплан-Гирей, переселившийся в 1847 году с 1 619 подданными [14, с. 14]. Этот процесс достиг пика в 1850–1860-х годах. Согласно документальным данным, только через восточные порты Черного моря в период с 1858 по 1865 год было переселено 493 193 представителя северокавказских народов, включая 17 000 кабардинцев. Особый интерес представляет религиозная составляющая мухаджирства. Как отмечал просветитель Нури Цагов, многие верили, что переезд в Турцию автоматически гарантирует им райскую жизнь. Однако реальность разочаровала большинство переселенцев, а сам Цагов метко охарактеризовал этот процесс как «грех перед землей и Богом» [17, с. 21]. Этот аспект остается малоизученным, несмотря на сохранившиеся свидетельства эпохи.

Реализация имперских проектов в управлении мусульманскими обществами Северного Кавказа в пореформенный период

После завершения Кавказской войны российские власти начали системную интеграцию ислама в административную систему империи. Этот процесс происходил в рамках новой концепции России как многоконфессионального государства, соединяющего Запад и Восток. Основные принципы политики включали формальное невмешательство во внутренние дела мусульманских обществ при контроле за религиозной жизнью, жестком надзоре со стороны гражданских и военных властей за духовенством, сохранении юрисдикции шариата в семейных и наследственных делах. В 1872 году по инициативе наместника Кавказа, великого князя Михаила Николаевича, было принято «Положение об управлении духовными делами мусульман Закавказья», утвержденное императором Александром II [18, с. 4], предусматривавшее учреждение двух отдельных духовных правлений – для мусульман шиитского и



суннитского толков в Закавказье. Особенностью данной системы стало включение религиозных институтов в имперскую административную структуру с одновременным переводом духовенства на государственное содержание. Тем не менее в отношении мусульманского населения Северного Кавказа сохранялась юрисдикция Оренбургского муфтията, формально действовавшая с 1788 года, однако фактическое влияние уфимского муфтия на дела региона оставалось минимальным и проявлялось лишь в исключительных случаях по инициативе государственных органов.

В 1879 году наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич представил программу преобразований «О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного преуспения населения Кавказского края», ставшую основой религиозной политики в регионе [4, с. 29–32]. Записка великого князя Михаила Николаевича отражает стратегические подходы российской администрации к управлению поликонфессиональным Кавказским регионом в пореформенный период. Документ регламентирует несколько ключевых направлений религиозной политики. В сфере управления исламскими институтами акцент делался на установление контроля над духовенством посредством его официального утверждения местной администрацией, а также на ограничение влияния зарубежных религиозных центров. Для обеспечения лояльности мусульманского духовенства предусматривалось его государственное содержание, что снижало его зависимость от общин. Параллельно продвигалось православие как цивилизационный фактор. В рамках решения задачи «духовного преуспения», подразумевавшей постепенное распространение христианских ценностей, планировалось развитие миссионерской деятельности и использование образовательных учреждений в качестве инструмента культурной интеграции. В правовой сфере документ признавал необходимость сохранения шариатских судов в ограниченной сфере – прежде всего в вопросах семейного и наследственного права. При этом декларировалась стратегия постепенного внедрения общеимперских правовых норм и адаптации местных обычаев (адата) к российским административным практикам. Данный документ стал основой для последующих административных реформ 1880–1890-х гг., где принцип «управляемого ислама» был реализован через создание мусульманских учреждений под контролем МВД [10, с. 41–49]. Записка Михаила Николаевича отражала прагматичную модель управления, где формальное признание автономии религиозных норм сочеталось с их постепенной адаптацией к имперской системе.

В конце XIX века российские власти продолжали разрабатывать проекты по созданию централизованной системы управления мусульманскими делами на Север-



ном Кавказе. В 1889 году генерал-адъютант А.М. Дондуков-Корсаков, занимавший пост главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, предложил учредить специальное духовное правление для мусульман Кубанской и Терской областей. Этот проект, разработанный по аналогии с закавказским положением 1872 года, имел несколько важных особенностей: разделение духовенства на высшее (назначаемое) и низшее (утверждаемое), создание центрального органа во главе с муфтием и русским секретарем, введение должностей кадиев для контроля за муллами, жесткое регулирование количества мечетей и священнослужителей⁸.

Проект Дондукова-Корсакова вызвал резкую критику МВД. Центральные власти опасались, что централизация усилит сплоченность мусульманского духовенства, региональная автономия нарушит единство госполитики, а формальная иерархия создаст угрозу безопасности. Преемник Дондукова-Корсакова генерал-адъютант С.А. Шереметев представил в Петербург альтернативный проект инструкции по управлению мусульманскими духовными делами, который сохранял больший контроль за центральными органами власти, предусматривая более гибкие механизмы взаимодействия с духовенством и избегая создания формализованных иерархических структур [4, с. 30–34]. Проекты административных реформ, предложенные Дондуковым-Корсаковым и Шереметевым в 1890-х годах, стали предметом продолжительных обсуждений в различных правительственных учреждениях Санкт-Петербурга, но так и не были реализованы.

«Временные правила» 1890 года как северокавказская модель государственного регулирования деятельности мусульманского духовенства

В 1889 году был разработан проект организации духовных лиц. Эта инициатива возникла из-за зависимости местных мулл от турецких религиозных авторитетов, к которым они зачастую обращались за разъяснениями, что могло способствовать распространению антироссийских настроений⁹. В 1890 году после обсуждения в различных ведомствах были приняты «Временные правила о порядке управления мусульманским духовенством суннитского учения в Кубанской и Терской областях», установившие строгую систему управления мусульманскими общинами. Новыми правилами устанавливалась трехуровневая система контроля: местные власти должны были контролировать деятельность духовных лиц на местах, начальники обла-

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4870. Л. 1-1 об.

⁹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 51. Д. 2290. Л. 136-139 об.



стей (Терской и Кубанской) – осуществлять общее руководство, командующий войсками Кавказского военного округа обладал высшей административной властью в этом вопросе. Правилами также вводилась должность чиновника особых поручений по делам мусульманского духовенства, который должен был курировать религиозные дела, обеспечивать связь между духовными лицами и государственной администрацией, а также производить обработку статистических данных о числе мечетей, школ, мулл, производить проверку метрических книг и т.п. Выставлялись строгие требования к духовным лицам: возраст – не моложе 25 лет, обязательное знание догматов ислама и основ шариата (в спорных ситуациях предпочтение отдавалось тем, кто владел русской письменностью). Запреты на избрание устанавливались в случае, если лицо имело судимость или подозревалось в неблагонадежности, а также являлось несостоятельным должником (во избежание злоупотреблений) либо отстраненным от духовных должностей ранее. Мусульманское духовенство обязывалось вести метрические книги, ведомости о числе мечетей и мусульманских школ, проводить молебны за здоровье императорской семьи (по пятницам), следить за распространением «вредных» религиозных течений – в общем быть проводниками лояльности к царской власти. Под надзор военного командования попадали все местные (религиозные) школы, вводились строгие правила строительства мечетей (только по согласованию с Командующим Кавказским военным округом). В каждом ауле или селении, насчитывавшем не менее 300 жителей мужского пола, разрешалось иметь одного муллу. Для меньших по численности поселений предусматривалось объединение нескольких близлежащих аулов в один приход, также запрещалось создание вакуфного имущества, что ограничивало финансовую самостоятельность общин¹⁰. «Временные правила о порядке управления мусульманским духовенством...» во многом лишь закрепили устоявшуюся к концу XIX века систему управления на Северном Кавказе.

Вместе с тем данная система управления не всегда находила безусловное принятие. К примеру, эфенди села Хапцево Тари Мельхаунов возглавил антироссийское выступление (1883), противопоставив себя пророссийскому старшине Мисосту Бориеву [9, с. 125–126]. Этот случай демонстрирует сложность реализации имперской политики в регионе, где часть духовенства продолжала сохранять антироссийские настроения, используя религиозный авторитет для мобилизации социального протеста.

¹⁰ РГВИА. Ф. 330. Оп. 51. Д. 2290. Л. 147-148.



Проблема учреждения Северо-Кавказского муфтията в начале XX в.

В апреле 1905 года российское правительство приняло важный «Закон о веротерпимости»¹¹, который провозгласил свободу вероисповедания и предусматривал унификацию прав мусульман по всей стране, но на практике контроль властей над мусульманскими организациями сохранился. В 1906 году правительство рассматривало вопрос о реформировании системы управления мусульманскими общинами Северного Кавказа. Ярким примером правовой неопределенности в регионе стал конфликт вокруг владикавказского муллы М.С. Рахимкулова, когда представители местных мусульманских общин, включая генерал-лейтенанта Дударова, генерал-майоров Туганова, Куденетова, Кусова, полковника Шанаева и др., в ноябре 1906 г. обратились к властям с ходатайством о его отставке, обвиняя его в несоответствии должности и прося разрешение произвести выборы нового муллы (Владикавказ – административно-судебной центр Терской области, в состав которой входил Кабардинский округ). Одновременно другая часть общины (казанские татары) подала петицию, поддерживающую муллу. Власти оказались в правовом тупике из-за неясной юрисдикции – вопросы назначения/смещения мулл относились к компетенции Оренбургского духовного собрания. Оренбургское собрание отказалось рассматривать дело, сославшись на непричастность к созданию владикавказской мечети. Община предложила создать второй приход с муллой из Дагестана (Юсуф-Кадри Загид-Заде) и учредить хозяйственный комитет. Однако областное правление отклонило инициативу, т.к. Юсуф-Кадри Загид-Заде не соответствовал цензу, а создание комитета не было предусмотрено законодательством. Конфликт разрешился после добровольной отставки Рахимкулова. Власти временно передали мечеть комитету, подчеркнув промежуточный характер этой меры¹². Данный конфликт ярко демонстрировал пробелы в законодательстве – отсутствие четкого механизма разрешения споров внутри мусульманских общин и особенности этноконфессионального разделения региона, что стало одним из аргументов для ускорения создания самостоятельного духовного управления на Северном Кавказе.

В последующие годы, вплоть до начала Первой мировой войны, вопрос о реорганизации религиозной жизни северокавказских мусульман неоднократно поднимался различными сторонами: чиновники, общественные деятели, представители либеральных кругов – все предлагали свои варианты решения этой сложной пробле-

¹¹ ПСЗРИ-III. Т. 25. 1905 г. СПб., 1908. с. 258.

¹² РГВИА. Ф. 330. Оп. 51. Д. 2290. Л. 173а-173а об.



мы¹³, но попытки реформаторства северокавказского мусульманского управления наталкивались на сопротивление властей. Официально вопрос откладывали, ссылаясь на необходимость комплексного подхода для всей империи, однако реальной причиной были опасения распространения панисламистских идей [19].

В начале XX века в мусульманских регионах России развернулось движение джадидизма, которое выступало за модернизацию исламского образования – сочетание традиционных устоев с современными знаниями. Ключевую роль в развитии этих идей на Северном Кавказе сыграли Н. Цагов, И. Купов, Т. Губашиев, А. Дымов, М. Гугов, создавшие «Баксанское культурное движение» в Кабарде (основатели: Н. Цагов, А. Дымов, М. Гугов), учебные заведения «Новометодные» медресе в Баксане (А. Дымов), учительскую семинарию (М. Гугов), школы в Кенделене и т.д. В этих учебных заведениях преподавали как религиозные, так и светские предметы на родных языках. Для обучения использовали пособия, разработанные местными педагогами, а также литературу, присылаемую из Оренбурга на татарском и арабском языках [20]. Движение джадидизма вызвало острое противостояние консерваторов-кадимистов. В 1908 году они подали жалобу премьер-министру П.А. Столыпину на опасные нововведения. Этот концептуальный «перехлест» в восприятии мусульманского реформаторства во многом определил жесткость правительственной политики в последние годы имперского периода, что в итоге только усиливало напряжение в мусульманских регионах империи [9, с. 146].

Несмотря на предпринимаемые государством меры, вопрос об учреждении специального административного органа для мусульман-суннитов Северного Кавказа оставался неразрешенным вплоть до октября 1917 года. Основными причинами затягивания этого процесса стали опасения распространения среди горцев идей панисламизма, которые могли подорвать влияние империи в регионе, а также усиление пантюркистских настроений, чему способствовали тесные связи северокавказских мусульман с Османской Турцией.

Заключение

Проведенное исследование показало, что конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе в XIX – начале XX в. представляла собой сложный и многогранный процесс. Ключевой особенностью этой политики выступал дуалистический принцип, сочетавший декларативное признание конфессиональных прав мусульманского населения со строгой системой государственного контроля над

¹³ РГВИА. Ф. 330. Оп. 51. Д. 2290. Л. 174 об. - 175 об.



исламскими институтами. Формирование особой модели управления мусульманскими сообществами Кабарды происходило в три основных этапа:

1) 1792–1821 гг. – согласно специальному «Положению для кабардинцев» (1792), были признаны религиозные права населения и юрисдикция мусульманского судопроизводства, однако при этом был установлен российский надзор;

2) 1822–1871 гг. – начало бюрократической интеграции местных институтов через прокламации кабардинскому народу (1822) и ужесточение контроля в условиях Кавказской войны и мюридистского движения;

3) 1872–1917 гг. – попытки унификации и систематизации управления, выразившиеся в реформаторской деятельности великого князя Михаила Николаевича, изложенной в записке «О мероприятиях к возвышению уровня гражданского благосостояния и духовного преуспеяния населения Кавказского края», а также в принятии «Временных правил о порядке управления мусульманским духовенством суннитского учения в Кубанской и Терской».

Перманентный военный статус региона, геополитическая конкуренция с Османской империей, внутренняя дифференциация мусульманских сообществ обусловили незавершенность создания северокавказского муфтията в конце XIX – начале XX в., что отразило особенности северокавказской модели конфессиональной политики Российской империи на Северном Кавказе.

Литература

1. Kappeler A. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung. Geschichte. Zerfall*. München: Beck; 1993. 395 p.

2. Арапов Д.Ю. *Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика*. М.: ИКЦ «Академкнига»; 2001. 366 с.

3. Арапов Д.Ю. *Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.): дис.... д-ра ист. наук*. М., 2005. 381 с.

4. Арапов Д.Ю. Имперская политика в области государственного регулирования ислама на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. *Ислам и право в России. Материалы научно-практического семинара «Проблемы реализации законодательства о свободе совести и религиозных объединениях в отношении российских мусульман (Северный Кавказ, Поволжье)»*. Ноябрь, 2003. Вып. 1. М.: изд-во РУДН; 2004. С. 21–34.

5. Арапов Д.Ю. Ислам в архивных материалах высших государственных учреждений Российской империи (1721–1917 гг.). *Ab imperio*. 2008;4:253–266.



6. Миллер А.И. *Империя Романовых и национализм*. М.: Новое литературное обозрение; 2006. 240 с.
7. Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press; 2020. 640 p.
8. Круз Р. *За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии*. Ибатуллин Р.У. (пер.). М.: Новое литературное обозрение; 2020. 408 с.
9. Бабич И.Л. *Антропология власти и ислам: учебное пособие*. М.: ИПК МГЛУ «Рема»; 2009. 232 с.
10. Бабич И.Л. Деятельность российского государства по включению горцев Северного Кавказа в общероссийское культурное пространство в конце XVIII – начале XX века. *Научная мысль Кавказа*. 2008;4(56):41–49.
11. Долбилов М.Д. *Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. М.: Новое литературное обозрение; 2010. 1000 с.
12. Верт П.В. *Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение; 2012. 275 с.
13. Авксентьев А.В. *Ислам на Северном Кавказе*. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство; 1973. 166 с.
14. Аккиева С.И. *Ислам в Кабардино-Балкарской Республике*. М.: Логос; 2009. 136 с.
15. Арсанукаева М.А. Государственное регулирование духовной жизни мусульман Северного Кавказа (XIX – начало XX вв.). *Dzieje Biurokracji*. 2019;IX:173–204.
16. Фадеев А.П. *Россия и Кавказ в первой трети XIX в.* М.: Издательство АН СССР; 1960. 306 с.
17. *Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX века): сборник документов*. Гугов Р.Х., Касумов Х.А., Шабает Д.В. (сост.). Нальчик: Эль-Фа; 2000. 458 с.
18. Рыбаков С.Г. *Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России*. Пг.: тип. С. Самойлова; 1917. 55 с.
19. Аршаруни А., Габидуллин Х. *Очерки панисламизма и пантюркизма в России*. Казань: Иман; 2002. 190 с.
20. *Адаб баксанского культурного движения: сборник*. Налоев З.М. (сост.). Нальчик: Эльбрус; 1991. 439 с.



References

1. Kappeler A. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung. Geschichte. Zerfall*. München: Beck; 1993. 395 p. (In German)
2. Arapov D.Yu. *Islam v Rossiyskoy imperii: zakonodatel'nyye akty, opisaniya, statistika* [Islam in the Russian Empire: Legislative Acts, Descriptions, Statistics]. Moscow: Akademkniga Press; 2001. 366 p. (In Russian)
3. Arapov D.Yu. *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv.): dis.... d-ra ist. nauk* [The System of the State Regulation of Islam in the Russian Empire (the Late 18th and the Early 20th Centuries). Doctoral thesis in History]. Moscow, 2005. 381 p. (In Russian)
4. Arapov D.Yu. *Imperskaya politika v oblasti gosudarstvennogo regulirovaniya islama na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX vv.* [Imperial Policy in the State Regulation of Islam in the North Caucasus in the 19th and the Early 20th Centuries]. *Islam i pravo v Rossii: materialy nauchno-prakticheskogo seminar "Problemy realizatsii zakonodatel'stva o svobode sovesti i religioznykh ob'yedineniyakh v otnoshenii rossiyskikh musul'man (Severnyy Kavkaz, Povolzh'ye)"* [Islam and Law in Russia. Proceedings of the Scientific and Practical Seminar "Problems of Implementing Legislation on Freedom of Conscience and Religious Associations in Relation to Russian Muslims (North Caucasus, the Volga Region)"]. Moscow: RUDN Publ.; 2004, pp. 21–34. (In Russian)
5. Arapov D.Yu. *Islam v arkhivnykh materialakh vysshikh gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossiyskoy imperii (1721–1917 gg.)* [Islam in Archival Materials of the Russian Empire's Highest State Institutions (1721–1917)]. *Ab imperio*. 2008;4:253–266. (In Russian)
6. Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [The Romanov Empire and Nationalism]. Moscow: New Literary Review Publ.; 2006. 240 p. (In Russian)
7. Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press; 2020. 640 p.
8. Crews R. *Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noy Azii* [For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Ibatullin R.U. (tr.). Moscow: New Literary Review Publ.; 2020. 408 p. (In Russian)
9. Babich I.L. *Antropologiya vlasti i islam* [Anthropology of Power and Islam]. Moscow Institute of Professional Development of the Moscow State Linguistic University "Rema"; 2009. 232 p. (In Russian)



10. Babich I.L. Deyatel'nost' rossiyskogo gosudarstva po vkl'yucheniyu gortsev Severnogo Kavkaza v obshcherossiyskoye kul'turnoye prostranstvo v kontse XVIII – nachale XX veka [The Russian State's Efforts to Integrate North Caucasian Highlanders into the All-Russian Cultural Space (the Late 18th and the Early 20th Centuries)]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus]. 2008;4(56):41–49. (In Russian)

11. Dolbilov M.D. *Russkiy kray, chuzhaya vera: etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian Land, Foreign Faith: Ethno-Confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow: New Literary Review Publ.; 2010. 1000 p. (In Russian)

12. Werth P.V. *Pravoslaviye, inoslaviye, inoveriye: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiyskoy imperii* [Orthodoxy, Heterodoxy, the Other Faiths: Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. Moscow: New Literary Review Publ.; 2012. 275 p. (In Russian)

13. Avksentiev A.V. *Islam na Severnom Kavkaze* [Islam in the North Caucasus]. Stavropol: Stavropol Book Publishing House; 1973. 166 p. (In Russian)

14. Akkiewa S.I. *Islam v Kabardino-Balkarskoy Respublike* [Islam in the Kabardino-Balkarian Republic]. Moscow: Logos Press; 2009. 136 p. (In Russian)

15. Arsanukaeva M.A. Gosudarstvennoye regulirovaniye dukhovnoy zhizni musul'man Severnogo Kavkaza (XIX – nachalo XX vv.) [State Regulation of the Spiritual Life of North Caucasian Muslims (the 19th and the Early 20th Centuries)]. *Dzieje Biurokracji*. 2019;IX:173–204 (In Russian)

16. Fadeev A.P. *Rossiya i Kavkaz v pervoy treti XIX v.* [Russia and the Caucasus in the First Third of the 19th Century]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ.; 1960. 306 p. (In Russian)

17. *Tragicheskiye posledstviya Kavkazskoy voyny dlya adygov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Tragic Consequences of the Caucasian War for the Circassians (the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries)]. Gugov R.Kh., Kasumov Kh.A., Shabaev D.V. (comp.). Nalchik: El-Fa Press; 2000. 458 p. (In Russian)

18. Rybakov S.G. *Ustroystvo i nuzhdy upravleniya dukhovnymi delami musul'man v Rossii* [The Structure and Needs of Muslim Spiritual Administration in Russia]. Petrograd: S. Samoilov printing house; 1917. 55 p. (In Russian)

19. Arsharuni A., Gabidullin Kh. *Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii* [Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. Kazan: Iman Press; 2002. 190 p. (In Russian)

20. *Adab baksanskogo kul'turnogo dvizheniya* [The Adab of the Baksan Cultural Movement]. by Naloev Z.M. (comp.). Nalchik: Elbrus Press; 1991. 439 p. (In Russian)



А.С. Сижажев

Конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе...

Minbar. Islamic Studies. 2025;18(4): 907-925

Информация об авторе

Сижажев Алим Сарабиевич, старший преподаватель ОО ВО «Северо-Кавказский Исламский университет имени Имама Абу Ханифы», г. Нальчик, Российская Федерация; аспирант Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Российская Федерация.

About the author

Alim S. Sizhazhev, Senior Lecturer at the North Caucasus Islamic University named after Imam Abu Hanifa, Nalchik, the Russian Federation; postgraduate student at the Department for Coordination of Research and Innovation and Project Activities in the Specialty, Master's and Postgraduate programs of the Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 11 августа 2025

Одобрена рецензентами: 11 октября 2025

Принята к публикации: 11 ноября 2025

Article info

Received: August 11, 2025

Reviewed: October 11, 2025

Accepted: November 11, 2025